

О ПРЕДМЕТЕ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

В статье исследуется юридическая конструкция предмета коммерческого подкупа, акцентируется внимание на содержании этого объективного признака состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, обосновывается положение о целесообразности определения понятия предмета коммерческого подкупа с использованием соответствующих нормативных положений ГК РФ, анализируется законодательная классификация предмета коммерческого подкупа с учетом стоимостных размеров последнего, рассматриваются вопросы юридического окончания данного преступления, совершенного в значительном, крупном и особо крупном размерах, затрагивается проблема характера и степени общественной опасности коммерческого подкупа, совершенного разными сторонами этой коррупционной сделки, и обеспечения строгой дифференциации ответственности лиц, передающих предмет коммерческого подкупа и его принимающих.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, взяточничество, незаконное вознаграждение, коррупционная сделка, услуги имущественного характера как предмет коммерческого подкупа, момент окончания коммерческого подкупа.

В соответствии с федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [3] статья 204 УК РФ изложена в новой редакции, глава 23 УК РФ дополнена статьей 204¹ о посредничестве в коммерческом подкупе и статьей 204², устанавливающей уголовную ответственность за мелкий коммерческий подкуп.

Обратимся к юридико-догматическому анализу предмета коммерческого подкупа. В этой связи заметим, что законодатель в нормативных положениях о посредничестве в коммерческом подкупе впервые определяет предмет коммерческого подкупа, называя в качестве такового *незаконное вознаграждение*. Так, в ч. 1 ст. 204¹ установлено, что посредничество в коммерческом подкупе есть непосредственная передача предмета коммерческого подкупа (*незаконного вознаграждения*) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа, либо иное содействие этим лицам в достижении или реализации соглашения между ними о передаче и получении предмета коммерческого подкупа.

Согласно современной доктрине, юридическая конструкция незаконного вознаграждения как предмета коммерческого подкупа включает в себя ряд обязательных признаков. Один из основных – экономический. Содержание этого конструктивного признака состоит в том, что предметом рассматриваемого преступления выступают

* © Элекина С.В., 2016

Элекина Светлана Вячеславовна (sve_03@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

как вещи (*res corporales*), так и иные объекты имущественных отношений (*res incorporales*) в той части, в какой они имеют стоимостное выражение.

В части 1 ст. 204 УК РФ законодатель конкретизирует предмет коммерческого подкупа, называя в качестве такового деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе если имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу).

С учетом вышеизложенного заметим, что международные соглашения, посвященные вопросам противодействия коррупции (Конвенция ООН против коррупции, принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. [1], Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Советом Европы 27 января 1999 г. [2]), определяют предмет коммерческого подкупа весьма широко — как «какое-либо неправомерное преимущество», охватывающее своим содержанием блага и выгоды имущественного и неимущественного характера¹.

В пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [4] разъясняется, что следует понимать под оказанием *услуг имущественного характера*, правда, применительно к должностным лицам (то есть в отношении взяточничества). Как представляется, указанные разъяснения подлежат распространению и на случаи коррупции в сфере деятельности коммерческих и иных организаций. Тогда, исходя из положений, содержащихся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, применительно к ст. 204 УК под незаконным оказанием услуг имущественного характера следует понимать предоставление лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве незаконного вознаграждения любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами).

Как видно, понятие услуг имущественного характера, в отличие от категорий «деньги», «ценные бумаги», «иное имущество», не столь однозначно. Заметим, что и Гражданский кодекс РФ прямо не определяет понятие услуг.

В целях обеспечения системности права полагаю вполне обоснованным при уяснении содержания категории «услуги имущественного характера» опираться на соответствующие положения ГК РФ и позиции высших судов по данному вопросу. Такой подход основывается на разъяснениях Конституционного Суда РФ. Этот высший орган судебной власти указал, что положения ст. 204 УК в части определения признаков предмета коммерческого подкупа подлежат применению с учетом норм ГК РФ, включая его ст. 128, относящую к объектам гражданских прав иное, помимо денег, имущество, в том числе имущественные права, а также п. 1 ст. 90, согласно которому уставный капитал общества с ограниченной ответственностью составляется из стоимости долей, приобретенных его участниками, и определяет минимальный размер имущества общества, гарантирующего интересы его кредиторов [5].

В практике вышестоящих судов развивается идея о конкретной полезности услуг для заказчика, согласно которой услугой в смысле ст. 779 ГК РФ является деятельность, непосредственно создающая какое-либо отдельное имущественное благо или иной полезный эффект². Действия, которые непосредственно не создают какого-либо

отдельного имущественного блага, не связанного с договором, услугой как таковой не являются.

С учетом межотраслевого взаимодействия норм категория «услуга имущественного характера» может определяться посредством гражданско-правового понятия полезности имущественных благ, которая, в свою очередь, уже в рамках уголовного правоотношения проявляется через экономический признак предмета коррупционного правонарушения – стоимостной размер имущественной выгоды, в том числе услуг имущественного характера. Равным образом применительно к положениям статьи 204 УК РФ услугу имущественного характера следует трактовать как выгоду, имеющую определенную стоимость.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 *имущественные права* включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). Коммерческий подкуп в виде незаконного предоставления управляющему имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др.

Согласно абзацу 4 п. 9 указанного источника судебной власти, переданное в качестве предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта.

На основании вышеизложенного полагаю, что для правоприменителя применительно к положениям ст. 204 УК РФ имеют значение любые имущественные выгоды, включая освобождение от имущественных обязательств. С учетом разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, и сложившейся практики применения нормативных положений ст. 128 и 129 ГК РФ считаю возможным определить предмет коммерческого подкупа как незаконное вознаграждение в виде любых имущественных выгод, которые обладают стоимостным выражением или наличие которых предполагает возможность их денежной оценки.

При этом в зависимости от содержания можно выделить следующие виды имущественных выгод: вещи, включая движимое и недвижимое имущество, деньги и ценные бумаги; имущественные права; услуги (работы) имущественного характера; иные выгоды имущественного характера (в том числе освобождение от имущественных обязательств).

Законодатель обеспечивает строгую дифференциацию уголовной ответственности за коррупционные преступления в зависимости от стоимостного размера незаконного вознаграждения. С учетом указанного основания предмет коммерческого подкупа подразделяется на следующие виды: 1) мелкий коммерческий подкуп, когда размер незаконного вознаграждения не превышает 10 тыс. руб. (ст. 204²); 2) незначительный коммерческий подкуп, когда стоимостной размер предмета преступления свыше 10 тыс. руб., но не превышает 25 тыс. руб. (ч. 1 и ч. 5 ст. 204); 3) значительный коммерческий подкуп, когда размер предмета коррупционной сделки превышает 25 тыс. руб., но не более 150 тыс. руб. (ч. 2 и ч. 5 ст. 204); 4) крупный коммерческий подкуп, при котором размер незаконного вознаграждения свыше 150 тыс. руб., но не превышает 1 млн руб. (п. «в» ч. 3 ст. 204, п. «г» ч. 7 ст. 204); 5) коммерческий подкуп в особо крупном размере, когда незаконное вознаграждение превышает 1 млн руб. (ч. 4 и ч. 8 ст. 204).

Именно так выглядит сегодня законодательная классификация предмета коммерческого подкупа по признаку стоимостного размера.

Интересно заметить, что согласно закону при равенстве размера незаконного вознаграждения уголовная ответственность дифференцируется в зависимости от субъекта коррупционной сделки (лица, передающего предмет коммерческого подкупа либо его принимающего). Для субъекта, принимающего предмет коммерческого подкупа (управляющего), установлена более строгая ответственность, нежели в отношении субъекта, передающего предмет коммерческого подкупа (сравните: ч. 1 ст. 204 и ч. 5 ст. 204; ч. 2 ст. 204 и ч. 6 ст. 204; п. «в» ч. 3 ст. 204 и п. «г» ч. 7 ст. 204; ч. 4 ст. 204 и ч. 8 ст. 204).

Еще один момент. В соответствии со ст. 204¹ уголовная ответственность за посредничество в коммерческом подкупе наступает при условии значительности размера незаконного вознаграждения. В случае непосредственной передачи предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа, либо иного содействия этим лицам в достижении или реализации соглашения между ними о передаче и получении предмета коммерческого подкупа, в незначительном размере, содеянное не признается преступлением; соответственно, посредник, передающий предмет коммерческого подкупа в незначительном размере, не подлежит уголовной ответственности.

Стоимостной размер незаконного вознаграждения не только влияет на основания уголовной ответственности и назначение наказания, но также весьма значим для определения момента окончания коррупционной сделки, совершенной в значительном, крупном и особо крупном размерах.

Применительно к взяточничеству Верховный Суд РФ в абзаце 2 п. 10 вышеуказанного постановления разъяснил следующее: если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК.

С учетом отнесения коммерческого подкупа наряду со взяточничеством к разновидности коррупционных правонарушений представляется вполне обоснованным распространение вышеуказанных разъяснений на случаи совершения коммерческого подкупа.

Как видно, для признания значительного, крупного или особо крупного взяточничества оконченным Верховный Суд РФ требует учитывать не степень завершенности (реализации) умысла виновного, а его направленность в контексте размера предмета преступления. Если принять во внимание повышенную общественную опасность коррупционных преступлений, то занятая позиция высшей судебной инстанции страны вполне оправданна. Однако, поскольку в приведенных случаях фактически полученная виновным лицом сумма предмета коррупционной сделки не составляет указанных размеров, есть основание для обсуждения вопроса о квалификации содеянного как неоконченного коррупционного преступления (будь то взяточничество или коммерческий подкуп).

В заключение подчеркнем, что юридическая конструкция предмета коммерческого подкупа имеет важное значение в части установления оснований уголовной ответственности и квалификации коррупционных правонарушений.

Поэтому проблема предмета коммерческого подкупа как незаконного вознаграждения требует дальнейшего исследования. Одно из его перспективных направлений — соотношение предмета названного посягательства с предметом взяточничества и иных коррупционных правонарушений. Другое — постановка вопроса о целесообразности (нецелесообразности) расширения круга выгод как предмета коммерческого подкупа и других коррупционных преступлений с отнесением к таковым как имущественных, так и неимущественных благ и ценностей.

Примечания

¹ Кстати, в юридической науке этот вопрос является дискуссионным с позапрошлых веков. В свое время Фейербах отстаивал широкое понимание выгоды и предлагал признавать в качестве средства коррупционного подкупа «все, что служит к удовлетворению честолюбия, тщеславия, чувственности». Биндинг, Мейер, Лист и другие классики немецкого уголовного права высказывались в пользу более узкого толкования этой категории как выгоды объективно измеримой и способной улучшить материальное положение виновного, так как только такое понимание выгоды может быть установлено судом. Равным образом, по мнению некоторых дореволюционных отечественных юристов, «расширение понятия выгоды за пределы понимания ее в материальном смысле будет бесполезно для интересов правосудия» [6]. Такого же подхода придерживалась и практика того времени. Согласно взглядам редакционной комиссии по составлению Уголовного уложения 1903 г., коррупционное действие есть «проступок корыстного свойства, предполагающий преступную наживу, а потому он может заключаться только во взятках, имеющих имущественную ценность... Закон исключает из понятия взятки и просьбы, и мольбы, и ласки, и вообще все такие действия, которые хотя и могут быть вполне пригодными для склонения служащего к действию или бездействию, но не имеют имущественного характера и потому не допускают ни отобрания их в казну, ни определения их стоимости, хотя бы даже путем экспертизы... Требование служащим за свое служебное действие женских ласк или иных услуг или действий, не сопряженных с приобретением виновным чужого имущества, будет составлять проступок отказа от исполнения своих обязанностей по побуждению, несовместимому с долгом службы, и вообще притеснение, а отнюдь не взяточничество» (См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Гос. Совет и журналов — особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Гос. Совета. Изд. Н.С. Таганцева, СПб., 1904. С. 1042).

² Так, в постановлении Президиума ВАС РФ от 27 апреля 2010 г. № 18140/09 по результатам анализа ст. 702, 779 ГК РФ сделан вывод, что по договору подряда для заказчика прежде всего имеет значение достижение подрядчиком определенного вещественного результата; при возмездном оказании услуг заказчика интересует именно деятельность исполнителя, не приводящая непосредственно к созданию вещественного результата. Кроме того, исходя из п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре», услуги должны создавать полезный эффект для заказчика. Согласно постановлению Президиума ВАС РФ от 24 сентября 2013 г. № 4593/13, несмотря на различия в предмете договора возмездного оказания услуг (совершение определенных действий или деятельности) и договора подряда (достижение определенного результата), в силу ст. 783 ГК РФ положение о применении обычно предъявляемых требований, в том числе требований экономности подрядчика (п. 1 ст. 713 ГК РФ) для определения критериев качества его работы, применимо и в отношении оказания услуг. Такое регулирование соответствует общему принципу разумности, целесообразности и логичности при осуществлении гражданских прав и исполнении имущественных обязанностей

Библиографический список

1. Конвенция ООН против коррупции, принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 16.09.2016).
2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Советом Европы 27 января 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394
3. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4257.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1113-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Артемьева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и четвертой статьи 204 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Ширяев В.Н. Взятничество и лиходейство в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. С. 536–537.

References

1. *Konventsiia OON protiv korruptsii, priniataia rezoliutsiei 58/4 General'noi Assamblei OON ot 31 oktiabria 2003 g.* [The UN Convention against Corruption, adopted by the General Assembly resolution 58/4 of the United Nations dated October 31, 2003]. Retrieved from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml, (accessed: 16.09.2016) [in Russian].
2. *Konventsiia ob ugovolnoi otvetstvennosti za korruptsiuu, priniataia Sovetom Evropy 27 ianvaria 1999 g.* [Criminal Law Convention on Corruption, adopted by the European Council on 27 January 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 18.05.2009, no. 20, Article 2394 [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 03.07.2016 N 324-FZ "O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii"* [Federal Law dated 03.07.2016 № 324-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Legislation Bulletin of the Russian Federation], 04.07.2016, no. 27 (part II), Article 4257 [in Russian].
4. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 9 iul'ia 2013 g. № 24 «O sudebnoi praktike po delam o vziatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniakh»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated July 9, 2013 № 24 "On judicial practice in cases of bribery and of other corruption crimes"]. *Biulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], no. 9, September, 2013 [in Russian].
5. *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iul'ia 2013 g. № 1113-O «Ob otkaze v priniatii k rassmotreniiu zhaloby grazhdanina Artem'eva Alekseia Nikolaevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chastiami tret'ei i chetvertoi stat'i 204 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2013 № 1113-O "The refusal to accept for consideration the complaint of a citizen Alexei Nikolaevich Artemyev considering the violation of his constitutional rights of the third and fourth parts of Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. Access from Legal reference system «ConsultantPlus».
6. Shiryayev V.N. Bribery and conduct in connection with the common doctrine of malfeasance: criminal-legal investigation. Yaroslavl, 1916. P. 536–537 [in Russian].

*S.V. Elekina**

GENERAL INFORMATION ABOUT THE SUBJECT OF COMMERCIAL BRIBERY

In the article there is an investigation of legal design of a subject of commercial bribery, the attention is paid on maintenance of this objective indication of actus reus, provided in the article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation, the regulations of expediency about the definition of the subject of commercial bribery are proved with the usage of relevant standard provisions according to the Civil Code of the Russian Federation, legislative classification of a subject of commercial bribery is analyzed taking into account the cost amount of the last one, the main law issues are examined about the end of this crime, made in serious, large and extremely large importance, the issue of nature and degree of public danger of commercial bribery is also touched, made by different sides of this corruption transaction, and providing strict differentiation of persons responsibility, who is giving the subject of commercial bribery and who is taking it.

Key words: commercial bribery, bribery, illegal reward, corruption transaction, services of property nature as subject of commercial bribery, moment of the end of commercial bribery.

* *Elekina Svetlana Vyacheslavovna* (sve_03@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.